

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Клад

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Клад

Серия «Сибирские рассказы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=324352

Аннотация

«В уездном городе Кочетове «Сибирская гостиница» пользовалась плохой репутацией, как притон игроков и сомнительных сибирских «человеков», каких можно встретить только в сибирских трактовых городах, особенно с золотых промыслов. Чистая публика избегала останавливаться в номерах «Сибирской гостиницы», но наворачивались иногда проезжающие, попадавшие в эту трущобу по неведению. Днем в гостинице всегда было тихо, но жизнь закипала по вечерам, и далеко за полночь окна гостиницы светились огнями...»

Содержание

I	4
II	11
III	18
IV	23
V	32

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк Клад

I

В уездном городе Кочетове «Сибирская гостиница» пользовалась плохой репутацией, как притон игроков и сомнительных сибирских «человеков», каких можно встретить только в сибирских трактовых городах, особенно с золотых промыслов. Чистая публика избегала останавливаться в номерах «Сибирской гостиницы», но наворачивались иногда проезжающие, попадавшие в эту трущобу по неведению. Днем в гостинице всегда было тихо, но жизнь закипала по вечерам, и далеко за полночь окна гостиницы светились огнями: темные сибирские люди играли в карты, кутили на чужие деньги и весело хороводились с подозрительными женщинами. Общая зала всегда оставалась пустой – сибирская публика еще не привыкла к трактиру, и только в бильярдной громко щелкали шары, точно открывалась и закрывалась какая-то громадная пасть, лязгавшая вершковыми зубами. Старик-маркер, в войлочных туфлях и длинном дипломате неопределенного цвета, разбитой старческой по-

ходкой шмыгал около бильярда и, считая очки, монотонно повторял недовольным тоном:

– Сорок семь и двадцать четыре... двадцать четыре и сорок семь!

Это был мрачный субъект с испитым, желтым лицом и моргавшими серыми глазами. Он часто морщился, потому что простуженные ноги давали себя чувствовать при каждом неловком шаге. Да и руки тоже болели у старика – сказывался старческий ревматизм. Коротко стриженные седые волосы покрывали угловатую голову, точно серебряной щетиной, а когда старик упорно глядел на кого-нибудь своими маленькими глазками – редкий выносил этот волчий взгляд.

– Чего уперся глазами-то, старый черт!.. – ругались самые отпетые бильярдные завсегдатаи.

Старик презрительно улыбался и машинально выкрикивал свои маркерские цифры. Не одну тысячу верст сделал он, ходя около бильярда, а еще в силах и может ответить за любого молодого. Широкая сутулая спина и длинные руки говорили о недюжинной силе, когда-то сидевшей в этом износившемся старом теле; но что было, то прошло, а теперь старый маркер все ходил около своего бильярда, как манекен. Прислуга в гостинице не любила его за неуживчивый нрав, но хозяин его держал как ловкого человека на всякий случай – он и из беды выручит и других не выдаст. Вообще серьезный был старик, выдавший виды, не то что остальная трактирная прислуга, набранная с бору да с сосенки. Звали

старика Галанцем – эту кличку он принес с собой в Сибирь из Расеи. Кто он такой и откуда – никто не знал, да никто и не интересовался: просто маркер Галанец – и все тут. Только когда старика сердили, он говорил:

– Эх, вы, варнаки сибирские!..

– А ты как в Сибирь попал, дедка?

– Я? Я – другое... Я по своему делу попал, а не по кнуту.

Помирать в Расею пойду... Надоело мне и глядеть-то на вас, варнаков.

После каждого такого объяснения Галанец делался особенно мрачен и ходил около своего бильярда темнее ночи. Разве они, холуи, могут что понимать? Он, Галанец, с полковниками в аглецком клубе играл... да. Меньше полковника туда и хода не было, а это что за публика, и публика холуйская, и прислуга тоже. Никакого обращения не понимает, потому что настоящего никто и не видал. Эх, кабы ноги Галанцу да прежний вострый глаз, бросил бы он давно эту немшоную Сибирь!.. Так, видно, на роду было написано, чтобы с холуями валандаться... От судьбы не уйдешь. Своих гостей старик презирал от всего сердца: разве это настоящие господа, – так, шантрапа разная набралась. Каждый норовит на грош да пошире – одним словом, варнацкая публика.

Тускло горят лампы в бильярдной. В буфете стенные часы пробили одиннадцать. Галанец ходит с машинкой в руках чуть не с обеда. Ноги у него сегодня особенно ноют – чувствуют, видно, ненастье старые кости. На беду игроки навязались

неугомонные: Вася и проезжий адвокат. Оба играют хорошо, но Галанец следит за игрой с презрительной улыбкой: разве так играют?

– Смотри, распухнет шар-то! – дразнит адвокат Васю.

Вася надувается, краснеет и, выцелив шар кием, делает промах. Каждая неудача заставляет его отплевываться. Он в смятой крахмальной рубашке и потертом пиджаке, на ногах туфли, как и у маркера, – барыня, значит, осердилась и арестовала сапоги. Молодое, румяное лицо Васи хмурится, и он сердито взмахивает своей шапкой белокурых кудрей. Этот Вася настоящий мучитель для Галанца: как свяжется с кем играть, так и не уйдет, пока огней не погасят. И зачем только живет человек в «Сибирской гостинице»? Приехал с какой-то барыней да и околачивается третью неделю, а прислуга шу-шу, шу-шу... Оказалось, что Вася состоит при барыне аманом и чуть что напроказит, она сапоги с него снимет, а потом не велит обеда подавать. Сама запрется в своем номере и на глаза его не пускает. Целый день так-то Вася и перебивается в бильярдной, а прислуга смеется над ним же.

– Что, Вася, ножки, видно, заболели?..

– А ну вас к черту! – огрызается он. – Я вот ее задушю, тогда узнает, какой я человек... А сапоги – плевать. В туфлях еще свободнее.

Прислуга смеется, а Вася как ни в чем не бывало только башкой трясет, как хороший коренник. Барыня держала его в ежовых рукавицах. Да и было кому держать: высокая, здо-

ровая, как есть в настоящем соку. Из номера она редко показывалась, и то больше по вечерам. Наверно, убежала от мужа с молодцом да и гарцует в свою бабью волю – так решила номерная прислуга. Мало ли народу околачивается в номерах – всякие и барыни бывают. Вася унижался до того, что выпрашивал у швейцара сапоги, а у официантов занимал по двугривенному.

Итак, Вася играет с адвокатом. Сначала он проигрывал, но, затянув партнера, кончил партию несколькими ударами, как делают ярмарочные жулики.

– Не вредно, – похвалил Галанец, прищуривая от удовольствия глаза. – Ловко сыграно.

– А ты как меня понимаешь, Галанец? – хвастался счастливым успехом Вася. – Не смотри, что я в туфлях сегодня... Тебе дам десять очков вперед.

– Подавишься...

– Я? Давай, сейчас намочу тебе хвост, старому черту...

Проигравшийся адвокат был рад отвязаться от партнера и тоже принялся поджигать старого маркера. Положим, этот адвокат был прохвост и, проживая в гостинице, занимался больше всего обыгрыванием захмелевших купеческих сынков, но старому Галанцу показалось обидно, что над ним смеются такие прохвосты, – они задели его за живое место. «Ах вы... шильники!» – ругался старик, молча выбирая кий. Он редко играл, но теперь нельзя было отказаться.

– Если обыграешь Ваську, закладываю рубль, – поощрял

адвокат, усаживаясь на диван. – Да нет, где тебе, Галанец...

– Я могу даже закрыть левый глаз, – хвастался Вася, выпячивая грудь колесом. – С одним правым глазом буду играть.

– Ах вы, шильники!.. – ругался Галанец, размахивая кием. – Да я в аглицком клубе играл в Петербурге... с полковниками... Там меньше полковника не полагается, а не то чтобы какая-нибудь шантрапа. Чему смеетесь, желторотые!

Рассерженный Галанец сначала сделал несколько промахов, но потом успокоился и кончил партию с треском, как играют только старые маркеры. Вторую партию он кончил почти «с кия», не давая партнерудохнуть.

– Ах, ты... сахар!.. – ругался Вася, разбитый в пух и прах.

В это время Галанец только хотел сделать шара, но остановился, посмотрел на Васю сбоку и спросил:

– Как вы сказали, сударь?

– Я говорю: сахар...

У Галанца задрожал в руке кий. Он еще раз посмотрел на Васю и уже вполголоса прибавил:

– Карпу-то Лукичу сынком приходитеесь?..

– А ты почему знаешь?

– Да поговорка-то ихняя... Помилуйте, как мне-то этакого слова не знать? То-то я все присматриваюсь к вам: лицо знакомое, а узнать не могу. А вот поговорку-то узнал...

Вася был сконфужен этим открытием и только тарашил глаза на маркера.

– Ну, что же вы остановились? – спрашивал адвокат.

– Не могу... устал... – бормотал Галанец, бросая кий.

II

Ночью в каморке Галанца долго светился огонь. Каморка была крошечная, как нора, где-то под лестницей в номера, но все-таки свой угол, где сам большой, сам маленький. В углу на столе горела дешевая жестяная лампочка, и тут же стояла бутылка с водкой. Вася сидел на стуле, облокотившись руками на стол, а Галанец кружился по комнате.

– А про Поцелуиху слышали? – спрашивал старик.

– Это где клад-то?

– Шш!.. – зашипел старик, поднимая руку. – Что вы, Василий Карпыч, еще, пожалуй, услышат... Не таковское это дело, сударь.

Вася засмеялся и махнул рукой. Это движение обидело старика, но это было минутное чувство, которое сейчас же сменилось чем-то таким любовным и ласковым... Галанец все смотрел на него, вздыхал и время от времени повторял:

– Эх, Василий Карпыч... а?.. Вася... Ведь еще малюткой, можно сказать, на руках тебя нашивал, и вдруг... Эх, Вася, Вася, нехорошо! Так нехорошо, что и не выговоришь... Какое уж это занятие – в аманах при барыне состоять! Наши-то холуи зубы моют-моют, даже со стороны тошно слушать.

– Замотался я... ослабел... – шептал Вася со слезами на глазах. – Сам себя презираю... Хошь бы в маркеры куда по-

ступить. Уеду куда-нибудь подальше и поступлю... А то что же это за мода: чуть прогулял лишний час, она и сапоги долой.

– Да кто она-то, дама-то твоя?

– А исправничья дочь, исправника Чистого...

– Это Галактиона Павлыча?.. Ах, боже мой, боже мой!..

Как сейчас его вижу, голубчика... Значит, дочка она ему-то?

– Родная дочь... Она замужем, только уж очень избалована: если у мужа денег нет, Анна Галактионовна и уедет.

– А он-то как же, муж-то?

– Ну, он деньги и добывает, а как добудет – она и воротится. У ней своих много, ну и дурит... Мужа в черном теле держит. Я выпью, дедка.

– Пей, голубчик... Ах, какое дело, какое дело!.. И даже в уме-то не представишь себе... Ежели бы такая дама подвернулась покойнику Карпу Лукичу, да он бы ее узлом завязал. Вот какой был человек необыкновенный... А вы, Василий Карпыч, насчет сапог не сумлевайтесь; мы это в лучшем виде оборудуем. Ах, какое дело, какое дело!..

– Мне вот только выпить, я ее убью, змею...

– Зачем убивать, Васенька... Пусть ее поживет: не ты, так другой найдется. Наскочит на такого хохоту, что овечкой сделает... Ну, да это все пустое. Погоди, оборудуем... Вот что, Вася, ты не ходи туда, в номер, а ночуй здесь, у меня. Я на полу прилягу, а ты на кровать...

– А она искать меня будет.

– Пусть поищет... А то я и сам схожу к ней. С полковниками разговаривал, небось, тоже в зубах у нас не завязнет. Так прямо и скажу: я и папеньку вашего Галактиона Павлыча даже весьма знал, уж вы извините, а это не порядок...

– Ну?

– А то как же, Вася? В женскую, мол, вашу часть я не вхожу, а свою мужскую могу понимать и даже превосходнее других прочих.

– Нет, ты не ходи: плевать... Пусть ее разорвет со злости.

Вася обрадовался предложению Галанца и сейчас же улегся на его кровать. Он даже улыбался при мысли, как будет рвать и метать Анна Галактионовна, э, плевать, пусть лопнет! Правда, кровать у Галанца, вымощенная из старых досок, гнулась и трещала под ним, да и ноги пришлось согнуть, но все-таки лучше, чем слушать там, в номере, попреки да ругань. Старик в это время успел устроиться на полу, охая и побряхтывая. Он потушил свою лампочку и долго ворочался на своем жестком ложе.

– Василий Карпыч, вы спите?

– А... нет, не сплю... – бормотал впросонках Вася. – А что?

– Да так... Вот лежу и про клад все думаю.

– Про какой клад?

– А на Поцелуихе.

– И не думай лучше: ничего не придумаешь. Отец в землю от этого клада ушел...

– Ах, боже мой, кому ты сказываешь-то, Вася? Ты меня бы спросил лучше, как это самое дело было... Да. Тебя еще тогда и на свете не было...

– Рассказывай...

Пауза. Старик пошарил рукой по полу, угнетенно вздохнул и сел. Его старые глаза через окружавшую ночную темноту глядели вдаль, далеко, на то, что случилось тридцать лет назад. Ах, как все это было давно, и вместе точно все случилось вчера!

– Я тогда в аглецком клубе маркером служил, – начал старик, разводя руками. – Ну, а «Дрезден» в Конюшенной – модные номера так назывались. В «Дрездене» у меня швейцар был знакомый. Так вот этот швейцар – Никитой его звали – и приходит ко мне этак с утра, когда еще господа в номерах спали. «Григорий, – говорит, – дело до тебя есть». «Какая-токая потребность случилась?» – говорю я. «А такая, – говорит, – не вдруг и выговоришь...» Говорит это, а сам смеется. Хорошо. Ну, он и рассказывает: приехали, грит, в «Дрезден» два господина, не то, чтобы настоящие господа, да и к купцу нельзя применить. Заняли, грит, лучший номер и сейчас спать; целые сутки спали. Мы уж, грит, хотели полиции объявлять, ну, а они в этот раз и проснись. Потребовали самовар, водки и закуски. Фициант подает им все в порядке, как следует порядочным господам, а они его на смех подняли. «Ты, – грит, – за кого нас принимаешь?» Всю эту номерную закуску назад, а заказали себе целое блюдо телячьих по-

чек и четверть водки. «Это, – grit, – по-нашему, по-сибирски»... Ну, обнаковенно, прислуге это самое дело удивительно, а управляющий даже сконфузился, потому в «Дрездене» первые господа останавливаются, а тут сразу такое безобразие. Однако все исполнили... Что же ты думал, они вдвоем целую четверть выпили и целое блюдо почек оплели, а сами даже ни в одном глазу. Люди как люди. Повременили малое место и заказали обед, за обедом опять пили всячины, а сами опять ни в одном глазу. После обеда посылают за мной, чтобы я ложу им в оперу достал. «Как, – говорит Никита, – записать прикажете в кассе?» «Граф Кивакта и князь Эншамо¹ – так и запиши». Ну, Никита добыл им билет, вечером они поехали. Там уже капельдинеры встречают по-своему: ваше сиятельство, пожалуйста... Хорошо. Прослушали они одно действие, сходили в буфет, а потом и заснули в ложе-то. Естественно вся публика на них воззрилась... Сейчас капельдинер разбудил их и говорит: «Так и так, ваше сиятельство, никак невозможно, чтобы спать в театре». А те ему: «За свои-то деньги нельзя?» «Уж это как вам будет угодно, а только начальство... порядок...» Тогда они встали и ушли, а Никиту на другой день опять в театр: откупи нам эту самую ложу на целый месяц. Хорошо... Вася, да ты никак спишь?

– Нет, не сплю... Кто же это такие были?

– А ты слушай... Откупили они ложу в театре, а сами опять призывают Никиту и прямо подносят чайный стакан

¹ Кивакта и Эншамо – названия двух речек в тайге.

водки. Никита и в рот этого вина не брал, да и должность у него такая, чтобы всегда быть в аккурате. «Не могу, – крик, – ваше сиятельство...» «А ежели, – гряд, – не можешь, так пошли кого поумнее себя». Ну, один лакеишка выискался было, а только не вытерпел: на втором стакане ослабел, под руки его из номера вывели. А они в амбицию: что это, гряд, у вас за номера такие, ежели удовольствия себе получить нельзя за свои деньги? Одним словом, куражатся, и никакого с ними способа. Вот Никита-то и пришел ко мне: выручи, Григорий. А надо тебе сказать, что смолоду я очень был набалован и водки принимал до неистовства – недаром Галанцем прозвали. На Васильевском острове галанцы летами наезжали, ну, так я с ними хороводился: никто супротив них не может устоять касательно выпивки, а я даже превосходнее их себя оказывал. Конечно, глупость это наша одна... Так за это качество и прозвали меня Галанцем. В праздник нарочно меня наши водили в гавань, чтобы галанцев конфузить. Хорошо... Вот Никита и пришел за мной, чтобы я в «Дрезден» к ним завернул уболаготворить ихних гостей. Опять-таки моя глупость была: пошел. Ну, прихожу это в номер и даже диву дался – таких два осетра, что даже попревосходнее галанцев настоящих будут. Как два дубовых корабельных бруса... ей-богу!.. Признаться сказать, я даже этак маленько оторопел, потому как сам ростом не дошел в настоящую меру. Они поглядели этак на меня: «Можешь?» «Могу, ваше сиятельство»... Натурально сейчас чайный стакан водки и сейчас

другой, а я им: «Позвольте третьим закусить»... То-то глупость... Как я третий-то выпил, тогда один встал, подошел ко мне, обнял и расцеловал. «Вот это, – крик, – по-нашему, по-сибирски...» А потом: «Каков ты есть человек?» Очень я им понравился. Который меня целовал, и оказался вашим тятенькой, Карпом Лукичом Полуяновым, а другой-то Логин Евсеич Недошивин. Золотопромышленники сибирские, известное дело, приехали в Питер удовольствие себе сделать, а куда ни сунутся, везде им порядок: то нельзя, это нельзя, третье не полагается. Обидно им сделалось, что препятствуют, значит, карахтеру; зачем, гряд, мы ехали-то такую даль? А мне-то обрадовались, как родному, и сейчас вместо себя в ложу стали посылать, чтобы досадить кассиру. Ложа дорогая, а я каждый день и сижу в ней один. Из театра к ним в «Дрезден» и рассказываю все, как и что было... Очень довольные были. Потом заказали отыскать им подходящую французинку, потому как много были наслышаны об этой нации. Денег у них бугры, ну и чудили... Вася, ты никак совсем спишь?

– Да нет же... Рассказывай.

– А на чем я остановился-то?

– Да на француженке... А клад-то скоро?

– Погоди, будет и клад...

III

– С этой французинкой у нас хлопот было весьма достаточно, – продолжал в темноте голос Галанца, – ну, кое-как приспособили. Настоящая французинка, свою квартиру держала на Малой Морской. Только прихожу я в «Дрезден» к Карпу Лукичу и докладываюсь: «Пожалуйста всякое удовольствие получить». А они этак переглянулись и смеются... Дело было за ихним завтраком: блюдо почек и четверть на столе, все по форме. «Кому же, – грят, – ехать?» «Это, – грю, – вам ближе знать, а французинка готова в полной форме». Ну, посмеялись, закусили и начали как будто собираться... Между собой-то перепируются, а я стою в дверях и молчу. Только совсем уж собрались, а покойник Логин Евсеич и говорит: «Карп Лукич, знаешь, что я тебе скажу? Чем к французинке ехать и беспокоить себя, удивим лучше Галактиона Павловича... Он думает, что мы в Питере проваландаемся до осени, а мы к нему прямо на именины и подкатим, как снег на голову». Вот тебе и французинка, думаю про себя, – всю музыку испортят. Тятенька ваш как обрадуется. «И в самом деле, – грит, – чего мы здесь дураков валяем – все нельзя... Удивим Галактиона Павлыча!» Ну, я уж не стерпел и говорю: «Как же, – говорю, – с французинкой? Она, например, ждет в полной форме»... «А ты, – грят, – и поезжай к ней, как в театр за нас ездил, а деньги, что следовало, запла-

тим: так и скажись – сибирский князь Эншамо».

– Ха-ха... ловко! Что же ты, ездил... а?

Пауза. Галанец в темноте отплеивается и тяжело вздыхает. Вася еще громче хохочет.

– Что же, действительно ездил... – заговорил Галанец, когда немного успокоился от благочестивого негодования. – Главная причина – опять моя же глупость была: пообещали мне всю пару новую, верхнее пальто, шляпу – одним словом, полный костюм от Корпуса. Карп-то Лукич разошелся и часы свои золотые на меня нацепил, а Недошивин перстни свои дал мне. Ох, согрешил я без конца перед господом богом...

– Что же француженка?

– Да ничего... Все одно, как и наши бабы, только одета чисто, даже до чрезвычайности чисто, и обращение имеет свободное. Ей удивительно посмотреть, какие такие сибирские князья бывают, а у меня своя глупость на уме – платье-то все у меня останется... Ох, глупость была, Васенька, а теперь вот и каюсь! Тьфу... Приезжаю я от францужинки в карете, а они уж совсем и в дорогу собрались. Посмеялись надо мной, попросили про францужинку, а потом и говорят: «Айда с нами в Сибирь, Галанец! Будешь доволен, а ты нам по нраву пришелся»... Даже подумать хорошенько не дали: собирайся... Что же, думаю, ежели уж такая удивительная линия подошла... Склался я в полчаса и покатил, не знаю сам куда. Дальше своей Ярославской губернии не бывал, а тут на край света... Все-таки ничего, думаю, купцы богатые,

не оставят. Признаться сказать, с дороги малым делом чуть-чуть не воротился: так и тянет меня в Питер, и кончено. Как закрою этак глаза, и начнет представляться все: на Невском огни, музыка, швейка одна знакомая, полковники, с которыми на бильярде играл... Чем дальше едем, тем города мельче и народ совсем убогий живет, а бабы – одно только название, что бабы. Мне скучно, а им веселее. Едут и все Питер ругают... Очень уж это им слово не понравилось: «нельзя». Проплыли мы таким манером по Волге, повернули на Каму, а там уж по трахту закатали на двух тарантасах. Объехали эти самые горы и на сибирскую сторону перевалили... Чем дальше едем, тем веселее мои господа: «Вот это наше пошло». Сидят да похваливают... Ну, тут, действительно, и места начались другие и народ особенный. Прямо сказать: сибирский народ, варнак. Переехали Иртыш, катим по степи – и вдруг, братец ты мой, на одной станции и накрыли Галактиона Павлыча. Значит, сам исправник Чистый... Мои благодетели так и охнули: нарочно из Питера приехали, чтобы ему сюрприз сделать, а он и встрелся. Даже приуныли совсем. Исправник-то расспрашивает их про Питер, а они на меня показывают. «Вот, – грят, – у нас Галанец все произошел». И опять пить меня заставляют: надо же чем-нибудь удивить Чистого. А я как примечаю, что моим благодетелям даже совестно против него: и из Питера уехали не солоно хлебавши и его не могли удивить именинами. Даже из лица спали, туманные такие ходят оба и водку перестали при-

нимать... Чистый-то сметил, в чем дело, и их же впредь на смех поднимает. Хоть назад ворочаться, так в ту же пору. Что же ты думаешь, ведь удумали они штуку... Хе-хе!.. То есть в лучшем виде... Сидим это мы на станции, а Карп Лукич похаживает и говорит: «Ах, ты, сахар ты мой, Галактион Павлыч, соскучился я по тебе...» Ну, натурально, сейчас выпивка. Что ни слово, то хлоп да хлоп... Чистый пьет наряду с ними, могучный человек, а свое дело помнит: «Господа, а мне некогда – через два дня именинник, надо домой поспевать». «Поспеется, сахар ты наш, а именинник не медведь – в лес не уйдет». И опять рюмка за рюмкой... Только и народ был: медведю, кажется, столько не выдержать. И ведь уделали-таки Галактиона Павлыча... Пили они, пили, неочерпаемое, можно сказать, количество, пока он из настоящего разума не выступил. На ногах-то он держится, а разуму в ем уж нет. Помнит одно: ехать надо, потому именинник. Когда его нагрузили вполне, сейчас вывели под руки, усадили в экипаж и пожелали гладкой дороги. Лошади-то и не заложены, а Карп Лукич на козлы и по-ямщицьи ухает, а Недошивин дугу с колокольцами трясет... Потеха чистая! Чистый только мычит: «Пшол!..» – ну и, натурально, заснул. Дали ему с час поспать, а Карп Лукич опять на козлы, а Недошивин за дугу... Тпру!.. Приехали, ваше скородие. Ну, конечно, Чистый ничего не понимает. Вывели его из экипажа, будто на другую станцию приехали, и опять пить. «Мы с тобой, – грят, – вместе на именины едем»... Ну, таким манером двои сутки

Чистого из экипажа таскали в избу, а из избы в экипаж. А когда строк вышел, тятенька-то ваш разбудили Чистого, шапочку сняли и говорят: «С ангелом имеем честь поздравить, Галактион Павлыч»... Ей-богу! Что было смеху, что ругани... Чистый-то так расстервенился, что мы едва от него тогда ноги уплели... Все-таки свое сорвали: удивили его, как он именинником-то проснулся. Ох, грехи тяжкие, точно все это вчера было, а никого уж и в живых нет!

– А клад-то когда будет?

– Да в свое время и клад.

IV

– Приехали мы и на место, Васенька. Понравилось мне, как жил Карп Лукич: дом – полная чаша, всего вволю, только птичьего молока недостает. И все этак на сибирскую руку приспособлено, не по-расейски, потому как жисть, значит, вполне привольная. Обзнакомился я со всем и живу себе. Выпал снежок, зима сибирская завернула, ну, мне уж и скучновато стало. Главная причина: делать мне нечего. Известно, нет-нет да и поманит на свою сторону, в Расею. Хорошо около меня, да только все чужое... Раз этак около рождества очень уж я стосковался да и говорю Карпу Лукичу: «Отпустите меня домой, а то без дела чего же мне слоняться». А они только смеются: «Погоди, Григорий, в некоторое время ты мне пригодишься, а работа впереди. У нас все так: год на боку лежим, да одну неделю за два года работаем». Конечно, по-нашему, по-расейски, это даже весьма несообразно, ну, да делать нечего, нанялся – продался. Прошли святки, прошла масленая, а этак неделе на третьей поста Карп Лукич и говорит, чтобы я собирался в дорогу. Весь дом вверх дном повернули, точно вот на войну собираемся. Целый обоз снаряжился с нами – значит, в разведки поехали. Хорошо. Рабочих с нами за пятьдесят человек, конюхи, вожаки – войско, да и только. Молебен отслужили, все честь честью справили и в путь. Мамынька ваша провожает нас, а сама как река

лется, потому неведомо, когда воротимся. Почитай, весь город сбежался на проводы. Я в кошевой вместе с Карпом Лукичом еду, в том роде, как бережной или подручный. Успел за зиму-то к каждой ихней привычке вполне привеситься: они еще только подумают, а я уже сделал. Едем мы таким родом день, едем два, свернули с трахту на проселок, а с проселка в тайгу: ни конца, ни краю вплоть до китайской границы. Поехали по тропам, по приметам... По дороге в двух местах сделали разведки, да только попусту. Гляжу я на Карпа Лукича и дивуюсь: совсем другой человек, а водки даже ни-ни. Такой у него зарок был положен, что как на дело, так водки ни капли. На первых-то разведках мы позадержались лишнюю неделю, а тут нас весной накрыло. Обождали водополь и поехали дальше верхами, а на стану караул оставили. Ну, тут настоящую муку мы и приняли: то гора, то болото, а то и на горе болото. Переправа за переправой, а речки быстрыя да студеныя... Всего удивительнее для меня оказывали себя лошади: сколь же умна эта самая скотина! По болоту идет, так с кочки на кочку перескакивает, на гору по камням царапается, под гору на хвосте идет – человеку так не сделать, как эта самая таежная лошадь. В седле-то сидеть страшно, только и глядишь, на который бок половчее упасть, в случае чего... А каково такой лошади под Карпом Лукичом идти: четырех лошадей в сутки менял. Ну, думаю, по таким местам только душу спасать ездить... Приедем на стан – разогнуться нет возможности. Чем дальше едем, горы выше,

а в горах опять холоднее. Начали лошади в болотах вязнуть. Пришлось их оставить на втором стану с конюхами, а сами пошли пешком. Грузен был Карп-то Лукич, не может по болоту идти. Тогда нас на лубках с ним через болота перетаскивали... С неделю мы таким манером промаялись, всю душеньку вымотали. Не утерпел я и спрашиваю Карпа Лукича: «Куда это мы идем?» А он мне: «Клад будем искать... Слышал про Поцелуиху?» Это почесть на самой китайской границе выходило, да и Поцелуих считали до десятка речонок – что ни речка, то и Поцелуиха, а дорога – пьяный черт ездил. Долго ли, коротко ли, доехали мы до большой горы, Белок называется. Карп Лукич и говорит: «Здесь будет последний стан». Начали мы делать разведки в разные стороны. Везде есть знаки на золото, а настоящего дела все-таки нет: нестоющее золото для работы. Почесть целое лето мы таким манером прожили в лесу, обносились, озверели, на людей не стали походить. Этак раз, уж к осени дело было, отбились мы с Карпом Лукичом от партии. От своего Белка пошли к другой дороге, – со стану глядеть, так рукой подать. Мы с Карпом Лукичом да трое рабочих – и все тут. Шли-шли, а гора точно от нас уходит дальше. Однако к вечеру добрали. Место глухое, лес – овчина овчиной. Речка с горы выпала – опять, значит, Поцелуиха. Пошли вниз по речке. Вот тут нам и поблазнило... Идем этак лесом, слышу, Карп Лукич кричит: «Стой!» Я-то позади всех плелся, потому измотался за день. Подхожу и вижу: стоит Карп Лукич осередь по-

ляны и руками разводит, а на поляне камни чернеют. «Погли-ко, – говорит, – Галанец, какие камни-то»... Я приглядел и даже этак обомлел: на поляне-то все тумпасы, да по аршину ростом каждый... «Это самое место и есть», – шепчет мне Карп Лукич. Сколь же и местечко диковинное издалось, только вот в сказке рассказать! А речонка в двух шагах, и в ней такие же тумпасы, точно поросята, лежат в воде. Ударили уж в сумерках ширп на бережку: золото оказалось богатимое. Тут мы и заночевали... А Карп Лукич всю ночь не спал: полежит-полежит у огонька и опять пойдет осматривать эти тумпасы, да к речке – и мне не дал спать. Еще, думаю, утонет... Ах, какое это удивительное место было!.. Едва дождались утра, и опять ширп, по ту сторону речки золото еще лучше. По самой речке взяли пробы – опять золото. «Вон он, клад-то», – шепчет мне Карп Лукич, а сам точно пьяный сделался. Ну, поставили мы разведочные столбы, накопили ям и пошли к своему Белку. По дороге рабочие затески делали на деревьях, чтобы не заплутаться. Одним словом, все устроили по форме. Только, сударь ты мой, едва мы вышли к своему Белку: вот тут она, наша гора, совсем на глаза, а пойдем к ней – она точно в сторону отойдет... Оказия!.. Так мы засветло-то и не могли выйти на стан и заночевали где-то в болоте. Утром просыпаемся: Белок-то саженьх во ста от нас, мы, как кулики, в болоте мокли целую ночь. Только пошли мы на Белок уж с другой стороны, а не с той, где стан. В тайге это случается... Хорошо. Пришли на стан, поглядел

Карп Лукич из-под ручки на гору, где мы были, и говорит: «Вон он, клад-то наш где спрятался»... «Так точно, – говорю я, – Карп Лукич: здесь Белок, тут болото, а там гора, а из горы выпала Поцелуиха с тумпасами». По-настоящему нам надо было торопиться к лошадям, чтобы загодя выбраться из этих местов, а Карп Лукич не утерпел, еще раз захотел побывать на кладовом местечке. Я остался на стану, а он повел с собой почитай всю партию. И что бы вы думали, сударь мой: три дня и три ночи искали они эту речку с полянкой, где мы ширпы били, да так и не нашли... Темнее ночи воротился Карп Лукич и только все спрашивали меня: «Галанец, ведь ты видел тумпасы?» «Точно так-с, Карп Лукич...» «Хоронится, – говорит, – от нас клад-то, точно сквозь землю провалилась полянка с тумпасами».

Что же бы вы думали, сударь мой, мы ведь так ни с чем и выехали из тайги... Первая причина – снега поопасались, а вторая – весь припас у нас вышел, и народ нечем кормить. Ну, приехали домой, Карп Лукич веселый такой: ждет не дождется опять поста, чтобы по последнему пути на Белок выезжать. Нанял рабочих уж по-настоящему, сделал всякую заготовку: харчи, одежду, машину, лошадей – в тайге-то негде взять, всякую малость с собой вези. Опять поехали на Белок по старой дороге и всю муку мученическую приняли в полной форме. Это легко рассказывать-то. Ну, и опять не нашли Поцелуихи. Так задарма целое лето пробродили по горам да по болотам, а домой опять воротились ни с чем. Затуманил-

ся мой Карп Лукич, потому как за два года шатания по тайге сильно деньгами подшибся. Однако на третью весну опять мы в поход собрались... Где только можно, везде денег добывали, а я стал примечать за Карпом Лукичом так, что будто он в исступлении ума делается. Начал даже заговариваться и все Поцелуихой этой бредит: видит ее во сне и наяву. Опять поехали мы в тайгу и целое лето задаром прошатались, и все около Белка. Ближе осени было дело, надо ворочаться домой, а Карп Лукич говорит: «Помру здесь, а найду Поцелуиху»... Крепкий был человек, а тут изняло. Ходит по стану и бормочет: «Это Белок – тут болото... тут гора, с которой выпала Поцелуиха». Уж это лето нам и задалось же: мошки, комары – житья нет. Лошадей поморили, рабочие ропшут, а Карп Лукич все на своем стоит: здесь Белок, там болото, там гора, с которой Поцелуиха выпала. Ближе уж осени было дело. Я в одной палатке с Карпом Лукичом жил. Только раз просыпаюсь ночью, а в палатке кто-то плачет. И так тихонько плачет, совсем по-ребячьи. Достал я огня, гляжу, а это Карп Лукич: сел на постель, ухватил голову руками да и заливается... Ах ты, боже мой, что же это такое? Я его утешать, а он пуше... Да и меня на сумление навел. «Скажи мне, – грит, – помнишь ты отлично, как все дело было, когда мы полянку с тумпасами нашли?..» «Даже, – говорю, – очень превосходно помню; как сейчас, вижу и полянку, и тумпасы, и речку, и место, где ширпы мы били». «Да, может, ты, – грит, – ошибся; обнесло нас, поблазнило... Мало ли что в

лесу бывает с человеком!» «Что вы, – говорю, – Карп Лукич, спросите рабочих, которые с нами были...» Конечно, что тут спрашивать: на свои глаза свидетелей не надо, а просто Карп Лукич начал мешаться в своем разуме. Тронулся человек... Да и меня, признаться, тоже оторопь взяла: в самом-то деле, не поблазнило ли тогда нам!.. Ну, сидим мы на стану под Белком, а уж пошли заморозки – того гляди, выпадет первый снежок, а тогда в тайге смерть без смерти. Лучшие вожаки плутают, потому как все приметы снегом засыплет, да и лес совсем другим оказывает. А Карп Лукич уперся – не пойду, и кончено тому дело. Уж мы его уговаривали и так и этак – приступу нет. Рабочие забунтовали... Ну, тут и вышел с нами грех. Ах, какой тяжкий грех, Васенька, случился, что, кажется, и не рассказать! Одна страсть... Этак утром просыпаемся, выхожу я из палатки, а кругом бело, точно саваном покрыло все... Саван и был. Господи, что только тогда у нас было: рабочие-то совсем озверели и чуть Карпа Лукича не убили. Так с ножами к горлу и приступают... Известно, тоже не от ума люди на стену лезут. Ну, поругались, пошумели, забрали все, что можно, и ушли, а мы с Карпом-то Лукичом вдвоем и остались, да еще лошадь заморенная с нами. Я его уговариваю идти домой, а он свое толмит: помру здесь. А снег-то идет да идет. Ну, думаю, пришла наша смертынька с Карпом Лукичом, догуляли... Запасов осталось у нас дня на три всего, как я уговорил-таки его идти – не помню. Пошли, а лошадь за нами... И умная это тварь, лошадь. Столь она

умна, столь умна, что вот только не скажет: чувствую, мол, я, что подвержена я во всем человеку и без вас мне пропасть. А партия-то, что раньше нас вышла со стану, на вторые сутки заплуталась в тайге. Пошли споры да раздоры: одни говорят – туда идти, другие – совсем наоборот. Разбились кучками, и всяк в свою голову ломит. Ну, таким манером они почитай все выбились из сил, да в тайге и перемерзли: кто с голоду, кто с натуги, других зверь задавил... Ох, незамолимый грех!.. А Карп Лукич свое: «Хоть бы помереть скорее, Галанец: один конец, а домой и идти не к чему». Все-таки идем сколько можем, а за нами лошадь колченогая ковыляет. Мы остановимся – и она встанет. Когда весь харч вышел, Карп Лукич и говорит: «Мы ее приколем»... Ну, мне это уж против сердца пришло. «Что вы, – говорю, – сударь, какие вы слова выговариваете, точно на нас и креста нет... Да и не об этом теперь думать надо: хоть бы господь христианской кончины сподобил, а вы лошадь колоть. Не татары мы, слава богу...» В одном месте нашли замерзлого человека из нашей партии. Ну, совсем у смерти... конец... И что же бы вы думали, сударь вы мой? Наша лошадь-то ковыляла за нами, а потом вперед нас пошла. И как идет: пойдет, пойдет и остановится, чтобы мы подошли. «Ой, – говорю я Карпу Лукичу, – жильё она чувствует...» Голод уж очень донимать нас стал, отощали вконец и только кору осиновою жевали. Только этак мы идем за нашей лошадью, я вижу под снегом будто след. Показываю Карпу Лукичу, а он не верит: наваждение, гово-

рит. И что бы вы думали, сударь мой? Ведь вывела она нас, эта самая лошадь, прямо на партию привела – к Недошивину; храпом своим лошадиным учуяла живых людей. Пришли мы к Недошивину ни живы, ни мертвы, да так нас из тайги и домой отправили, а Карп Лукич с этого самого времени замолчали. До самой своей смерти ни единого словечка не вымолвили; то ли это с голоду, то ли с заботы, или поблазнило чем, – не умею сказать. Имение все разорили, – одним словом, все богатство по ветру разнесло... Вот он какой, клад-то, на Поцелуихе выдался нам... Вася, да ты никак спишь?

V

Когда Анна Галактионовна проснулась на другой день в своем номере, первой ее мыслью было: где Васька? Положим, это не первый раз, что он ночевал где-нибудь в бильярдной, – и притом без сапог далеко не уйдешь, – но все-таки она встревожилась и позвонила.

– Позовите ко мне Василия Карпыча, – приказала она номерному лакею.

– Их нет-с...

– Как нет? Куда он без сапог уйдет?..

– Так точно... С нашим маркером ушли-с; Галанцем называется, то есть маркер. Он им и сапоги приспособил... Надели котомку и ушли...

– Это интересно, куда они могут уйти...

– А пошли какой-то клад разыскивать... Конечно, не от ума, а только у старика-то деньги с собой. На смертный час готовил, а теперь дело повернулось на клад...

Через год в одной из сибирских газет было напечатано коротенькое известие, что поисковая партия наткнулась в тайге у китайской границы на два «неизвестных трупа» – очень может быть, что это были старик Галанец и Вася.